

30610

Б. И. СЫРОМЯТНИКОВЪ.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ И =

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ПО ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
= ВЛАСТИ ВЪ РОССИИ.

34495
311

Издание Общества Взаимопомощи
слушателей М. Г. Н. Университета
— имени А. П. Шанявского. —

Москва.
1913.

30610

Б. И. Сыромятниковъ.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ

~~37491~~
= и =

===== УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ =====

===== ПО ИСТОРИИ =====

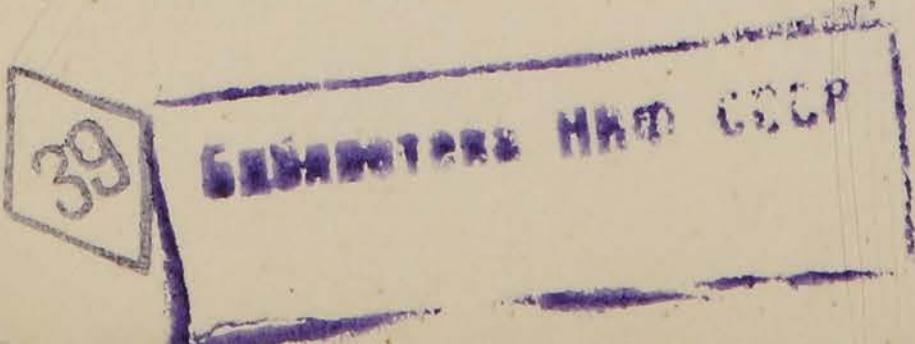
ГОСУДАРСТВЕННОЙ

ВЛАСТИ ВЪ РОССИИ.

МОСКВА.

Типографія п./ф. „ЛОМОНОСОВЪ“, 1-я Тверская-Ямская, д. 22.
1913.

8 b12b

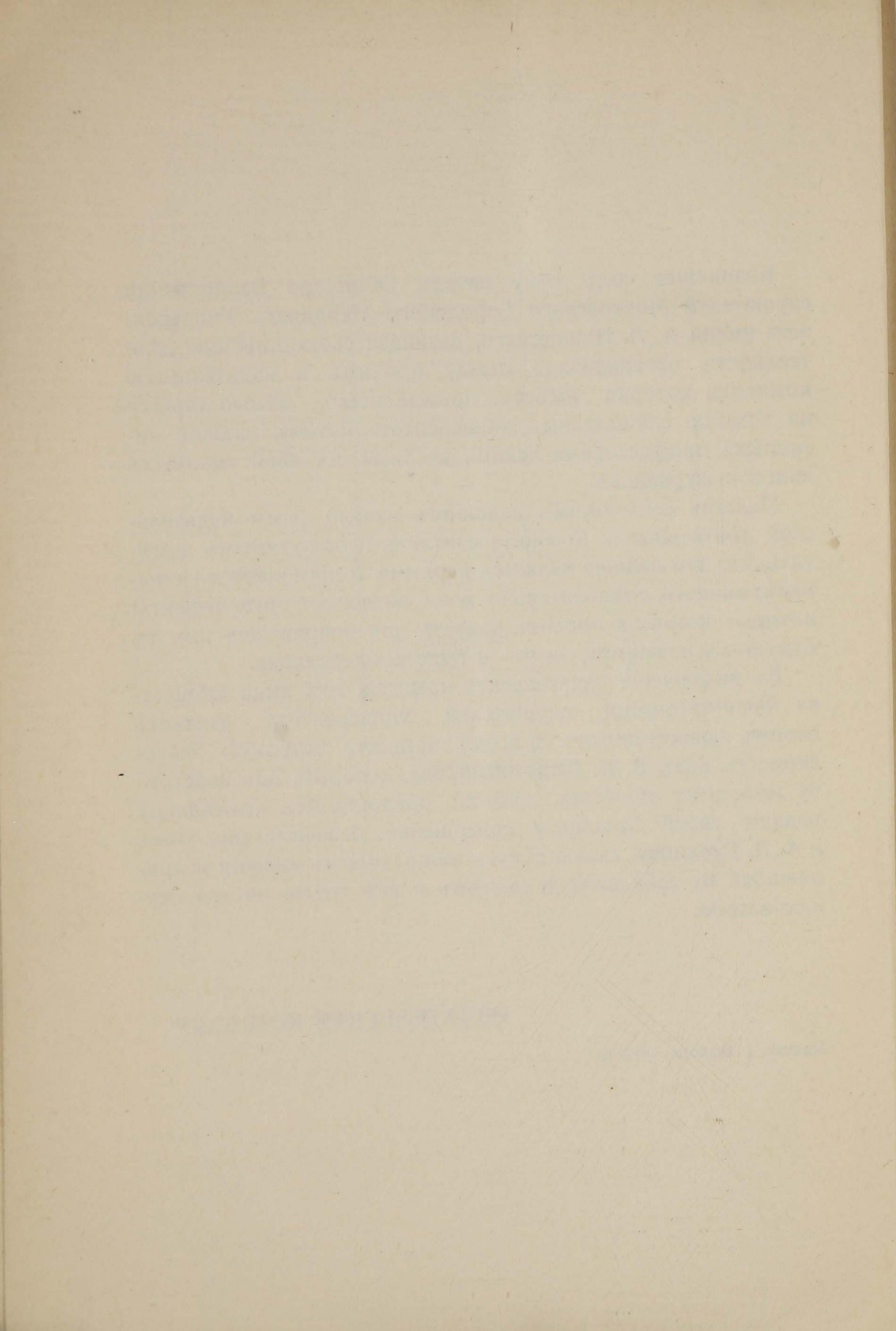
Возникшее годъ тому назадъ Общество Взаимопомощи слушателей Московскаго Городскаго Народнаго Университета имени А. Л. Шанявскаго, развивая свою широкую дѣятельность, организовало между прочимъ и издательскую комиссию, которая имѣть, прежде всего, цѣлью прийти на помощь слушателямъ университета путемъ изданія читаемыхъ профессорами лекцій, учебный пособіей, научныхъ книгъ и журналовъ.

Полагая настоящимъ изданіемъ начало своей издательской дѣятельности, Комиссія считаетъ необходимымъ замѣтить, что это изданіе является первымъ и пробнымъ ея опытомъ; въ немъ, слѣдовательно, возможны нѣкоторые дефекты которые комиссія просить указать для исправленія ихъ въ будущихъ изданіяхъ, за что и будетъ благодарна.

Въ заключеніе издательская комиссія отъ лица Общества Взаимопомощи слушателей университета считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ принести глубокую благодарность, какъ **Б. И. Сыромятникову**, который, идя навстрѣчу молодому обществу, любезно предоставилъ послѣднему изданіе своей брошюры совершенно безвозмездно, такъ и **А. Д. Рубанову**, являющемуся инициаторомъ изданія и принявшему на себя вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ труды по его осуществленію.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМИССІЯ

Москва, 1 декабря 1912 г.

Настоящій «обзоръ и указатель» представляетъ собой нѣсколько переработанное изданіе обзора по «Исторіи верховной власти въ Россіи», появившагося въ 1909 г. (кн. 4) въ журналѣ «Критическое обозрѣніе». Цѣль настоящаго изданія—оказать содѣйствіе лицамъ, желающимъ самостоятельно пройти одинъ изъ основныхъ отдѣловъ исторіи русскаго государственного права. Исторія организаціи государственной власти—таковъ предметъ предлагаемаго ниже указателя.

Соответственно съ означенной задачей, въ этомъ новомъ изданіи библіографическій указатель не только пополненъ нѣкоторыми новѣйшими (вышедшими послѣ 1909 г.) сочиненіями, но и расширенъ въ отдѣлѣ исторіи учрежденій дополнительными указаніями по литературѣ исторіи учрежденій областныхъ.

Въ качествѣ общихъ пособій, охватывающихъ всю исторію русскаго государственного права, предварительное знакомство съ которыми было бы весьма полезно, можно указать слѣдующихъ авторовъ:

- 1) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, 694 стр. Ц. 4 руб.
- 2) М. А. Дьяконовъ. Очерки общественного и государственного строя древней Руси (изд. 2), 1908 г., 509 стр. Ц. 3 руб.

3) Н. П. Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси, 1907 г., 149 стр. Ц. 1 руб.

4) В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (18—19 с.), изд. 2-ое, 1909 г., 644 стр. Ц. 4 р.

Къ сожалѣнію, слѣдуетъ замѣтить, что удѣльный и имперскій періоды представлены въ означенныхъ пособіяхъ слабѣе всего. Отъ этихъ общихъ работъ можно уже перейти къ болѣе детальному изученію каждого отдельнаго историческаго періода.

Если бы мы пожелали въ немногихъ словахъ формулировать сущность и обозначить границы закономѣрнаго процесса эволюціи государственного строя въ Россіи, мы сказали бы, что этотъ процессъ шелъ, какъ и въ другихъ государствахъ, въ направленіи отъ непосредственной демократіи (народоправства) къ правовому государству. Въ этой исторической перспективѣ, въ условіяхъ индивидуальной, исторической обстановки, русское государство на пространствѣ болѣе чѣмъ тысячелѣтія разрѣшало свою национальную задачу, медлительно проходя общечеловѣческіе этапы исторической жизни.

Первымъ этапомъ на этомъ долгомъ пути, начало котораго скрыто въ сумеркахъ доисторической древности, является, какъ только что было упомянуто, эпоха народовластія, когда, по удачному выражению нашихъ памятниковъ, «государемъ» назывался народъ, объединенный на вѣчевой сходкѣ, а княжеская власть, подобно королевской власти на Западѣ въ аналогичный моментъ, въ свою очередь, представляла изъ себя, говоря словами Фюстель-де-Куланжа, «не что иное, какъ одну изъ формъ демократіи». Только съ указанной точки зрѣнія и можно подойти къ пониманію истинной природы верховной власти въ древней Руси,— власти, которая въ теченіе настоящаго періода, по мѣрѣ постепеннаго разложенія вѣчевого государства, пережила не мало испытаній и замѣтныхъ метаморфозъ. Основнымъ вопросомъ для насъ въ данную эпоху долженъ быть, поэтому, вопросъ о вѣчевомъ строѣ, т.-е. о вѣчѣ, отношеніи его къ князю и, въ частности, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ волостей—

княженій, съ одной стороны, и князей между собой—съ другой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣсной связи съ исторіей княжеской власти въ настоящемъ періодѣ должна быть выяснена роль боярскаго совѣта при князѣ — княжеской думы, а также юридическое отношеніе органовъ княжеской и земской (общинной) администраціи.

Для первоначальной ориентировки во всѣхъ этихъ вопросахъ достаточно указать на трудъ проф. В. И. Сергеевича «Вѣче и Князь» (1867 г.), съ которымъ лучше всего познакомиться (въ новой переработкѣ) по болѣе доступному, второму тому «Русскихъ юридическихъ древностей» того же автора (изд. 3-е, 1909 г., кн. 3 и 4), гдѣ имѣется также особый отдѣлъ (кн. 5), посвященный «совѣтникамъ князя», т.-е. вопросу о боярской думѣ. Существенные поправки и дополненія ко взглядамъ вышенназванного автора читатель найдетъ къ книгѣ проф. В. О. Ключевскаго «Боярская дума древней Руси» (изд. 4-е, 1908 г., гл. 1 и 2). Можно рекомендовать также интересныя статьи И. Линниченко «Вѣе въ Киевской области» («Кiev. Универ. извѣстія» 1881 г. З и отдельно) и проф. И. И. Дитятина. «Изъ исторіи мѣстнаго управленія» въ сборникѣ «Статьи по исторіи русскаго права И. И. Дитятина» (1895 г.), а также книгу С. Соловьевъ «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» (М. 1846 г., 162 стр.). Укажемъ также на книгу А. Прѣнякова «Княжое право въ древней Руси» (1909 г.), гдѣ сдѣлана попытка пересмотра вопроса о княжеской власти въ періодѣ 10—11 вв. Для лучшаго ознакомленія съ системой княжескаго управления и земскаго самоуправлениія можно рекомендовать А. Никитскаго «Очеркъ внутренней исторіи Гѣкова» (1873 г.), Н. Костомарова «Сѣверорусскія народоправства», т. 2 (1886 г.), М. Н. Покровскаго «Мѣстное самоуправлѣніе въ древней Руси» (Сбор. «Мелкая земская единица») и А. А. Кизеветтера «Мѣстное самоуправлѣніе въ Россіи» (1910 г., гл. 1 и 2). Полезно было бы ознакомиться съ сборникомъ статей по «Русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ» подъ ред. В. Н. Сторожева,

вып. 1 (Библіотека для самообразованія, 1898 г.), гдѣ дана характеристика различныхъ научныхъ теорій по вопросу о государственномъ строѣ древней Руси, и съ книгами Фримана «Сравнительная политика» (1880 г., пер. Н. Коркунова) и Н. Карнѣева. Государство городъ античного міра. 1910 г. 348 стр. Съ важнѣйшими памятниками эпохи можно ознакомиться по Христоматіи по истории русского права. А. Владимірскаго-Буданова, в. 1 и 2 (изд. 3).

Съ паденіемъ древне-русской демократіи — собственно, южно-русской, такъ какъ новгородско-псковская гражданская община продержалась значительно дольше — мы вступаемъ на второй этапъ русской исторической жизни. Съ конца XII ст. центръ политической жизни народа перемѣщается у насъ на территорію сѣверо-восточной Руси, гдѣ въ процессѣ широкой колонизаціи края и складывается постепенно новое общество и государство на натурально-хозяйственной земледѣльческой основѣ — Русь удѣльная или феодальная. На мѣсто государства-«волости» является государство-«вотчина» со всѣми признаками среднег҃ековаго «государства-помѣстья»; на мѣсто «государя-народа» становится «государь-князь» или, точнѣе, «государь-вотчинникъ», ибо, согласно терминологіи памятниковъ эпохи, каждый, землевладѣлецъ тогда назывался «государемъ» и действительно былъ имъ. Въ тѣсной, интимной связи съ означеннымъ переворотомъ происходитъ и совершенное преображеніе государственной власти въ удѣльномъ княжествѣ. Удѣльная Русь съ ея чрезвычайнымъ дробленіемъ и часто-правовымъ характеромъ политической власти, сенѣральными полномочіями вотчиннаго землевладѣнія и управлениемъ, основанномъ на началахъ «кормленія», даетъ намъ яркую картину господства системы политическаго феодализма. Однако, несмотря на указанный распадъ власти, удѣльное княжество не перестаетъ оставаться государствомъ; это было только типичное феодальное государство, которое, по существу, является въ исторіи ничѣмъ инымъ, какъ натурально-хозяйственную формую политического союза. Князь-сюзеренъ, стоящий въ договорныхъ отношеніяхъ

ніяхъ къ своимъ подданнымъ и раздѣляющій свои го-
сударственные права и полномочія со своими вѣрными вас-
салами—таковъ характеръ государственной власти въ дан-
номъ періодѣ. Вниманіе наше, поэому, должно быть сосре-
доточено, въ настоящемъ случаѣ, главнымъ образомъ, на
князѣ и его правительственномъ совѣтѣ, боярской думѣ,
какъ высшей феодальной куріи и авторитетномъ полити-
ческомъ органѣ удѣльного княжества. Боярская дума въ эту
эпоху не отдѣлима отъ княжеской власти. Удѣльный князь
тогда, дѣйствительно, «держахъ русскую землю» вмѣстѣ съ
боярами, такъ что Дмитрій Донской имѣлъ всѣ основанія
назвать своихъ бояръ: «князями земли моей».

Съ измѣненіемъ въ настоящемъ періодѣ характера вла-
сти князя и его непремѣннаго «совѣта» и вся система удѣль-
наго управленія отлилась въ формы, которыя представляли
изъ себя «довольно точную копію устройства древне-ру-
ской боярской вотчины». Натурально-хозяйственная органи-
зациѣ «удѣльной» администраціи въ лицѣ «намѣстниковъ»,
«волостелей» и всякаго рода «путныхъ» кормленщиковъ, въ
указанномъ смыслѣ, весьма удачно завершала систему госу-
дарственнаго управленія даннаго періода. Систему, которая
на время прикрыла собой организацію выборныхъ земскихъ
и мірскихъ властей, сохранившихъ однако исконное устрой-
ство.

Лучшая характеристика удѣльного княжества, какъ госу-
дарства-помѣстья, принадлежитъ великому русскому исто-
рику проф. В. О. Ключевскому. Къ его классическому со-
чиненію «Боярская дума древней Руси» (гл. 3—7), мы и
рекомендуемъ читателю обратиться прежде всего. Желатель-
но также ознакомиться со статьей Б. Н. Чичерена «Ду-
ховныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ кня-
зей» въ его сборникѣ статей «Опыты по исторіи русского
права» (М. 1858 г.), а также книгами: Н. Ланге «Древніе
русскіе смѣсные или вобчіе суды» (1882 г.), Н. Загоски-
на «Уставныя грамоты 14—16 вв.», в. 1 и 2 (1875—
76 г.) и А. А. Кизеветтеръ, оп. и т., гл. 3—4.
Краткій схематический очеркъ удѣльной Руси въ терминахъ

западно-европейского феодального права даетъ книга Н. П. Сильванскаго «Феодализмъ въ древней Руси» (СПБ., изд. Брокгауза-Ефрана 1907 г., гл. 1—3). Полезнымъ дополненіемъ къ послѣднему пособію является статья проф. Ф. В. Тарановскаго «Феодализмъ въ Россіи» («Варшав. Универ. извѣстія», 1902 г. и отдельно) и этюдъ Н. Карѣева. «Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи?» (1910 г.). См. также «Энциклопедич. Словарь» Брокгауза и Ефрана п. т. 70—Феодализмъ. Съ основными источниками удѣльной эпохи можно ознакомиться по изданію «Памятники русской исторіи», вып. «Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и иудѣльныхъ», подъ ред. С. В. Бахрушина (М. 1909 г., изд. Клочкива, 148 стр.), «Актамъ 13—17 вв.», изд. А. Юшковымъ (Член. М. О. И. и Д. Р: 1898 г.; кн. 2, 3, 4) и книгѣ А. Горбунова «Льготныя грамоты» (Архивъ И. П. С. Калачова, 60 г.; 5, 1861 г.; 6, 1863 г.). Желательно ознакомиться также съ очеркомъ Н. Карѣева «Помѣстье-государство и сославная монархія, (1906 г., гл. 1—13).

Логика процесса феодализаціи, роковымъ образомъ предопредѣлившая раздробленіе удѣльной Руси на сотни самодовлѣющихъ политическихъ мірковъ, столь же необходимо привела, въ дальнѣйшемъ, къ концентраціи народныхъ силъ страны и государственной централизаціи. Этотъ естественный переходъ центробѣжныхъ началъ, господствовавшихъ въ пору ранняго феодализма, въ центростремительныя—превратилъ удѣльную Русь въ московскую объединенную національную монархію «всехъ Руси». Но такъ какъ въ основѣ даннаго стихійнаго «собирательнаго» процесса лежали все тѣ же «удѣльные» элементы и силы, то и сложившаяся въ концѣ-концовъ, на развалинахъ удѣльного строя, третья, политическая формациѣ, такъ-называемое «московское государство», представляла изъ себя лишь новый вариантъ на тѣ же феодальные мотивы. Московская самодержавная монархія XVI—XVII вв., «отчина и дѣдина» великихъ князей московскихъ, съ полнымъ правомъ можетъ быть квалифицирована какъ сословно-феодальная монархія. Дѣй-

ствительно, социально-экономическая структура этого военно-землевладельческого государства, въ основныхъ своихъ чертахъ, осталась та же, что и въ предшествующемъ періодѣ, какъ и самъ московскій царь продолжалъ сохранять положеніе и привычки князя-вотчинника, теперь уже единственнаго во всей русской землѣ. Попрежнему также московскій «великій государь» правилъ своими «многими государствами и землями» не одинъ, а какъ тогда официально говорилось, «со всѣхъ бояръ приговору», или же по «совѣту всей земли», «соборнѣ». Самый терминъ «самодержавный», въ качествѣ необходимаго предиката царского титула, во все не говорилъ тогда объ абсолютномъ характерѣ власти царя: «полумонархъ», по выраженію Карамзина, Вас. Ив. Шуйскій, формально ограниченный боярской «записью», именовался, какъ известно, «самодержцемъ»... Все это несомнѣнныне показатели феодальной природы дуалистической московской монархіи. Но ничто такъ не характерно для послѣдней, какъ появленіе въ ея нѣдрахъ новаго политического органа, унаследовавшаго былое вліяніе и авторитетъ удѣльной «думы» боярской, такъ-назыв. «земскихъ соборовъ». Эти народно-представительныя учрежденія съ явно выражеными сословными тенденціями, глубоко проникавшими живой общественный организмъ московского государства, дебютировали у насъ на исторической сценѣ при аналогичныхъ условіяхъ, какъ и на Западѣ, въ періодѣ торжества сословно-феодальной монархіи. Они знаменовали у насъ побѣду среднихъ общественныхъ классовъ (дворянства и городовъ) надъ феодальной титулованной и нетитулованной аристократіей удѣльного «княжья» и «родословнаго» боярства. Эти средніе «разныхъ чиновъ» московские люди создали силу и оплотъ московской самодержавной традиціонной монархіи. Торжество этой монархіи отмѣчало, такимъ образомъ, одновременно моментъ окончательнаго паденія «политическаго» (удѣльного) феодализма и не менѣе рѣшительное утвержденіе феодализма «социальнаго».

Установленіе новаго порядка не обошлось, однако, безъ жертвъ.

Московскимъ государямъ и ихъ политическимъ союзникамъ пришлось выдержать упорную борьбу съ притязательной удѣльной аристократіей, которая, съѣхавшись со всѣхъ концовъ русской земли ко двору московскихъ царей, принесла сюда съ собою свои феодальные традиціи, оказавшіяся теперь въ рѣзкомъ противорѣчіи съ новыми государственными началами. Эта борьба, выразившаяся, съ одной стороны, въ попыткахъ фрондирующего боярства и служилыхъ князей ограничить формально власть московскихъ царей, съ другой—въ «опричнинѣ» Грознаго и Годунова и патріотическихъ «соборныхъ» выступленіяхъ «земли»,—ярко запечатлѣлась въ богатой политической и публицистической литературѣ эпохи. Идеологически, означенное выше, рѣзкое столкновеніе двухъ историческихъ порядковъ, разыгравшееся на почвѣ борьбы за власть, привело къ столкновенію двухъ политическихъ идеаловъ, особенно непримиримыхъ во взглядѣ на существо царской власти, ея полномочія и отношенія къ «боярщинѣ» и «земщинѣ». Московское государство, можно сказать, распадалось тогда какъ бы на два враждебныхъ одинъ другому лагеря: на одной сторонѣ мы видимъ реакціонно-оппозиціонную партію разорившихся потомковъ феодальной аристократіи, поднявшихся на защиту идеала «боярскаго» царя, къ которымъ примкнула также и «нестяжательная» удѣльная церковь съ ея ученіемъ о главенствѣ духовной власти надъ свѣтской (Вас. Патрикѣевъ), съ другой—передъ нами выступаетъ партія помѣстно-дворянская въ тѣсномъ союзѣ съ государственною «іосифлянскою» церковью, выдвинувшая идеалъ «грознаго» и мудраго царя-Бога. И въ то время, какъ первые доказывали, что «Господь повелѣлъ царемъ царство держать и власть имѣти со князи и съ боляры», и превозносили святителей, «ревнующихъ по Богу и нестыдно обличающихъ неправедныхъ царей и властелей въ различныхъ законопреступныхъ дѣлѣхъ» (кн. А. Курбскій), вторые, напротивъ, отстаивая ту мысль, что царь долженъ быть «грозенъ и самоуправливъ и мудръ безъ воспрашиванья», усиленно совѣтовали послѣднему

«вельможъ» своихъ «огнемъ жещи і иные лютые смерти имъ давати», возвышая вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрныхъ своихъ «воинниковъ», т.-е. дворянъ, по отношенію къ которымъ московскому царю настойчиво рекомендовалось «быти яко отцу до дѣтей щедру» (Ив. Пересвѣтовъ). Послѣдняя—дворянско-іосифлянская—политическая теорія, по существу, и была официальной теоріей московского самодержавія съ его ярко выраженными абсолютскими тенденціями. На этой-то основѣ и расцвѣла, въ свою очередь, величественная доктрина вселенского мессіанства московской православной монархіи, этого, новаго «третьяго Рима», съ «высочайшимъ царемъ», потомкомъ «римского кесаря Августа» во главѣ, царемъ, который, по выраженію Васютки Грязнова, «аки Богъ, и малаго великимъ чинить». Торжественное соборное ауто-да-фе разрядныхъ книгъ съ церковной анафемой въ 1682 г. было достойнымъ эпилогомъ этой великой исторической драмы, борьбы двухъ началъ—феодально-аристократического начала «породы» (наследственной привилегіи), господствовавшаго въ удѣльной Руси, и начала служебно-бюрократического, «выслуги», побѣдившаго въ концѣ-концовъ въ московскомъ государствѣ. Борьба закончилась, дума боярская пала, а вмѣстѣ съ тѣмъ завершилась и историческая миссія соборовъ. Органическая переработка удѣльныхъ порядковъ завершилась: московская самодержавная монархія превратилась въ бюрократическую, централизованную, абсолютную монархію на началахъ государственного «закрѣпощенія» сословій въ противовѣсъ вольно--договорнымъ отношеніямъ удѣльной эпохи, а Россія—въ крѣпостное дворянское государство. Произошла смѣна одного политического строя другимъ: образовалось великое единое національное (велико-русское) государство.

Уже изъ этого краткаго схематического очерка явствуетъ, что для настоящаго периода центръ вниманія долженъ быть, прежде всего, сосредоточенъ на анализѣ власти московского государя. Однако, эволюція московского самодержавія и самая государственная теорія власти московскихъ царей могутъ быть поняты въ надлежащемъ смыслѣ лишь при до-

статочномъ знакомствѣ съ важнѣйшими моментами острой соціально-политической борьбы, столь характерной для данной эпохи и сообщившей ей столь драматической колоритъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, процессъ постепенного захуданія (демократизаціи и бюрократизаціи) боярской думы и параллельный ростъ земскихъ соборовъ должны быть изучены въ ближайшей связи съ исторіей власти московскихъ государей. Знаменательная эволюція этихъ политическихъ, взаимно конкурирующихъ, учрежденій можетъ очень хорошо объяснить намъ также весьма многое и въ той острой борьбѣ «земщины» съ «боярщиной», единодержавія съ многовластіемъ, которая не разъ потрясала государственный организмъ Московской Руси. Не менѣе цѣннымъ и надежнымъ руководителемъ въ указанномъ направлениі можетъ оказаться также и яркая политическая литература московского періода.

Но успѣхи московской монархіи должны были сказаться не только на самомъ характерѣ верховной власти и ея ближайшихъ органовъ, но и на всей системѣ государственного управлениія. Начала централизаціи и бюрократизаціи управления послѣдовательно начали проникать въ XVI ст., какъ въ сферу центрального, такъ и областного управления Московской Руси, неуклонно вытѣсняя старую правительственную «удѣльную» традицію феодального «кормленія и владѣльческаго иммунитета. Образованіе «приказовъ», съ одной стороны, и воеводской областной администраціи, всецѣло подчинившей себѣ земскія, мірскія власти,— съ другой, должно было завершить процессъ «собиранія» великаго московского государства. Опричнина и земская реформа Грознаго эпизодически, но очень показательно, отмѣтили въ русской исторіи переходный моментъ отъ эпохи чрезвычайного дробленія правительственной власти къ эпохѣ ея сосредоточенія и, такъ-сказать, огосударствленія, когда впервые у насъ, наконецъ, выявилась идея государства воплощенаго пока въ идеѣ и лицѣ «государя всея Руси» согласно классическому принципу: «государство—это я».

Наши литературныя указанія мы начнемъ небольшою книжкою Н. Рожкова «Происхожденіе самодержавія въ Рос-

сіи» (М. 1906 г., 213 стр.). Далѣе, въ качествѣ введенія къ основному труду проф. М. Дьяконова «Власть московскихъ государей» (СПБ., 1889 г.) можне рекомендовать брошюру проф. М. М. Богословскаго «Изъ исторіи верховной власти въ Россіи» (М. 1905 г., изд. «Свободная Россія» подъ ред. Мельгунова и Шестакова, 35 стр.), а также 17—19 очерки изъ «Книги для чтенія по исторіи новаго времени», т. 1, 1910 г. Нѣкоторымъ дополненіемъ къ книгѣ проф. Дьяконова можетъ служить работа П. Н. Милюкова «Очерки по исторіи русской культуры», ч. 3, в. 1 (СпБ., 1901 г., 181 стр.). Полезно ознакомиться также съ сочиненіями проф. А. Я. Шпакова «Государство и церковь въ ихъ взаимномъ отношеніи въ Московскомъ государствѣ», ч. 1 (Кievъ, 1904 г., 263 стр.) и В. Сокольскаго «Участіе русского духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ Московскомъ государствѣ» (Кievъ, 1902 г., 229 стр.). Существенную важность имѣетъ также въ связи съ указанными пособіями знакомство съ работой проф. С. Ф. Платонова «Очерки по исторіи смуты» (СПБ., 1899 г., 665 стр.) и проф. Н. Н. Фирсова «Разиновщина» (изд. Вольфа «Свободное изданіе», подъ ред. проф. Гrimма, 1908 г.). Весьма желательно было бы вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомленіе въ подлинникѣ съ важнѣйшими памятниками политической литературы эпохи: «Бесѣда пр. Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ» (Лѣтопись занятій Археограф. комиссіи, 1895 г., вып. 10), В. Ф. Ржига, И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ 16 в. (М., 1908 г., 84 стр.), Н. Устряловъ «Сказанія кн. Курбскаго» (СПБ., 1868 г., изд. 3-е, 506 стр.). Для исторіи «московской» боярской думы ограничимся указаніемъ цитированного уже выше сочиненія проф. В. О. Ключевскаго (гл. 9—26). По вопросу о «земскихъ соборахъ» слѣдуетъ начать книгою проф. В. Н. Латкина «Земские соборы древней Руси» (СПБ., 1885 г.) и затѣмъ перейти къ статьѣ И. И. Дитятиня «Роль чelобитій и земскихъ соборовъ въ управлениі Московскаго государства» (Статьи по истор. р. п.). Далѣе уже можно обратиться къ главѣ о земск. соборахъ въ «Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по

древней исторіи русскаго права», проф. В. И. Сергеевича (СПБ., 1903 г., стр. 161—228), изслѣдованію проф. В. О. Ключевскаго «Составъ представительства на земскихъ соборахъ» (Опыты и изслѣдованія, 1, 1912 г.) и статьѣ М. Покровскаго «Земскій соборъ и парламентъ», въ сборникѣ «Конституціонное Государство» (изд. Гессена, 1905 г.). Въ заключеніе необходимо ознакомиться съ весьма цѣнною брошюрою проф. С. Ф. Платонова «Къ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ» (СПБ., 1905 г., 68 стр.). Подлинные «Акты, относящіеся къ исторіи земскимъ соборовъ», изданы подъ ред. Ю. В. Готье, въ серіи подъ общимъ заголовкомъ: «Памятники русской исторіи» (изд. Клочкива, М., 1909 г., 76 стр.). Укажемъ также въ качествѣ общаго пособія для даннаго періода книгу Н. Загоскина «Исторія права Московскаго государства, т. 1 и 2 (1877—79). Краткую характеристику Московскаго государства съ точки зрѣнія сословно-феодальной монархіи можно найти у Н. П. Сильванскаго, op. cit, гл. 4. Съ той же цѣлью можно рекомендовать также знакомство съ ранѣе названнымъ очеркомъ Н. Карѣева «Помѣстье-государство», гл. 13—27 и другимъ этюдомъ того же автора: «Западно-европейская абсолютная монархія 16, 17 и 18 вв.» (1908 г.). По исторіи органовъ центрального и областнаго подчиненнаго управлениія слѣдуетъ обратиться прежде всего въ книгѣ К. Неволина «Образованіе управлениія въ Россіи отъ Иоанна III до Петра В.» (Сочин., т. 6). Далѣе заслуживаютъ особаго вниманія: Б. Чичеринъ, «Областныя учрежденія въ Россіи 16—17 вв.» (1856 г.), А. Градовскій «Исторія мѣстнаго управлениія въ Россіи» (Сочиненія, т. 2), А. Лаппо-Данилевскій «Организація прямого обложенія въ Московскому государствѣ» (1890 г.), М. Богословскій «Земское самоуправлениe на русскомъ сѣверѣ», т. 1 и 2 (1909 и 1912 гг.), А.А. Кизеветтеръ «Мѣстное самоуправлениe въ Россіи», гл. 4—6. Для знакомства съ важнѣйшими памятниками эпохи укажемъ: С. Шумаковъ «Губныя и земскія грамоты Московскаго государства» (1895 г.), Владимирский-Будановъ Христоматія, в. 2 и 3, «Соборное уложение царя Алексѣя Михайловича, 1649 г.» (1907 г.), изд.

Истор.-филолог. фак. Москов. университета, Наконецъ, значительный интересъ представляетъ также знакомство съ такими памятниками эпохи, какъ сочиненіе Флетчера «О государствѣ русскомъ» (1905 г.) и Котошихина «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича» (1906 г.).

Традиціонная московская монархія, исполнивъ свое историческое призваніе созданіемъ единаго централизованнаго национальнаго государства, закончила, какъ мы видѣли, утвержденіемъ абсолютизма, базированнаго на сословномъ антагонизмѣ, который, разъединяя между собой московскіе «чины», заставлялъ ихъ искать опоры въ нейтрализованной, неограниченной власти Царя, не связанныго формальнымъ договоромъ съ какой-нибудь одной изъ враждующихъ сторонъ. Когда же борьба за «всесцѣлаго монарха»—по выражению стародума Порошкова — завершилась, самъ собой всталъ на очередь вопросъ о приведеніи въ стройную систему «разсыпанной храмины» московскаго государства, строившагося по-«старинѣ» среди стихійной борьбы противорѣчивыхъ началъ. Удовлетворить указанной назрѣвшей потребности и суждено было «rossijskoy имперiи». Задача московской монархіи была, такимъ образомъ, боевая, учредительная, творческая; задача петербургской имперiи—организаціонная, регулятивная. Реформа Петра I, поэтому, носила чисто-техническій, а не революціонный характеръ. Этимъ и объясняются существенные черты въ конструкціи верховной власти у насъ въ послѣднемъ, четвертомъ, периодѣ ея исторiи. Императорская монархія XVIII—XIX вв., въ указанномъ смыслѣ, вѣдь всякаго сомнѣнія, представляла изъ себя не что иное, какъ типичное «полицейское» или «регулярное» государство, т.-е. неограниченную самодержавную бюрократическую монархію, облеченнную и въ Россіи, какъ и на Западѣ, въ парадныя одежды философіи «просвѣщенного деспотизма». Сохраняя въ своихъ основаніяхъ соціальный строй «московской» эпохи, какъ сложился онъ къ концу XVII в., и усиленно культивируя и насаждая сословный принципъ, петербургская имперiя послѣдовательно развивала вмѣстѣ съ тѣмъ начала абсолютизма, съ прису-

щими ему качествами — деспотизмомъ безоотвѣтственной бюрократіи, мелочной опекой надъ «гражданами», совершеннымъ подчиненіемъ церкви государству и чрезмѣрнымъ развитіемъ правительственной ініціативы и законодательной регламентаціи. Но подчиняя все и вся безапелляционному авторитету государственной власти, имперская монархія впервые ясно и рѣзко поставила проблему о государствѣ, покончивъ разъ навсегда съ отождествленіемъ интересовъ «государя» и «государства». Поэтому, провозглашая, впервые, въ законѣ начала неограниченного самодержавія — «Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ; но силу и власть имѣеть свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомѣнію управлять» (Воин. уставъ, арт. 20), — имперское правительство въ то же время смотрѣло на этого «самовластнаго монарха» какъ на «перваго слугу» народа, который, повелѣвая во имя идеи «общаго блага» или, что то же, «блага государственного», призванъ «добрыми регулами» и «регламентами», говоря словами екатерининского «Наказа», «дѣйствія людей направити къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра» (ст. 13). Эта заманчивая утопія блаженнаго «полицейскаго государства», представлявшаго изъ себя, по остроумному замѣчанію Л. Штейна, «Zwangsanstalt für das Glück der Völker», съ ея знаменательнымъ девизомъ «полиція есть душа гражданства» (Регл. Главн. Магистрату, гл. 10), нашла у насъ, какъ известно, талантливое теоретическое обоснованіе первоначально (если не считать болѣе ранней попытки Юрія Крижанича) въ трактатѣ Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей», позднѣе въ «Наказѣ» коронованнаго философа, имп. Екатерины II. Однако, обѣщаю своему народу величайшее «блаженство» и требуя отъ него «непреклоннаго, безмятежнаго, еще же и доброхотнаго повиновенія», доктрина «просвѣщеннаго абсолютизма», по существу, только санкціонировала въ терминахъ раціоналистической философиі дворянско-крѣпостной, словный строй имперіи, послѣдовательно перенося идеоло-

гію просвѣщенаго деспотизма изъ области государственныхъ отношеній (монарха къ «гражданамъ») въ сферу отношеній соціальныхъ (помѣщика къ его «подданнымъ»). Вотъ почему дворянская Россія стала на стражъ интересовъ «полицейскаго» государства, выдвинувъ на защиту его такихъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, какими были, напр., историкъ Татищевъ, знаменитый дворянскій «депутатъ» и публицистъ XVIII в., кн. М. Щербатовъ, творецъ единственной въ своемъ родѣ соціальной утопіи «Путешествіе въ Офирскую Землю», или, наконецъ, знаменитый исторіографъ М. Карамзинъ. Петербургская имперія XVIII и первой половины XIX ст., дѣйствительно, и въ своей идеологіи, и въ своихъ реальныхъ основаніяхъ была имперіей дворянской по преимуществу. Это была, въ полномъ смыслѣ слова, имперіи «милостью дворянства», когда «первенствующее сословіе», путемъ дворцовыхъ переворотовъ (1725—1801 г.), возводило на россійскій престолъ и низводило съ него своихъ монарховъ, а эти послѣдніе гордились скромнымъ титуломъ «помѣщицы» (Екатерины II) или «перваго дворянина имперіи» (Николай I). Истинный характеръ имперской монархіи съ достаточной ясностью сказался въ памятныхъ событияхъ, сопутствовавшихъ воцаренію Анны Ивановны. Такъ называемое «конституціонное» движение 1730 г., явившееся послѣдней отчаянной попыткой старой титулованной аристократіи «себѣ полегчить» и «воли прибавить», закончилось паденіемъ «верховниковъ», именно благодаря тому, что «благородное шляхество» стало на защиту императорского трона. Что касается собственно дворянского «конституціонализма» 1730 г., то онъ носилъ, очевидно, оборонительный и мнимый характеръ, будучи направленъ, по существу, не противъ «самодержавія», а противъ «верховниковъ». Недаромъ и не случайно лидеромъ дворянской «конституціонной» партіи выступилъ Татищевъ, горячій сторонникъ неограниченной монархіи, полагавшій къ тому же, что «къ премѣненію правительства никакой нужды, ни пользы нѣтъ, развѣ великій вредъ». Но и quasi конституціонализмъ «верховныхъ господъ минист-

ровъ», проникнутый явно реакціонными тенденціями, не имѣлъ будущаго. Русское конституціонно-освободительное движение не можетъ, поэтому, занести въ свои лѣтописи «1730 годъ», оно зародилось въ сферѣ иныхъ отношеній. Но прежде чѣмъ вопросъ о коренной государственной реформѣ полу-
чилъ практическую постановку, правительство «старого по-
рядка» сдѣлало рядъ попытокъ, не касаясь самыхъ основъ
государственного строя Россіи, утвердить въ странѣ начала
«законности». По существу, все XVIII ст. протекаетъ въ рус-
ской исторіи въ непрерывныхъ преобразованіяхъ то всей
системы центральнаго, то областнаго управления. Сенатъ,
Синодъ, коллегіи, «совѣты», «кабинеты» и «комитеты» при
Высочайшемъ дворѣ, министерства, Государственный Со-
вѣтъ, комитетъ и совѣтъ министровъ, губернская и городо-
вая реформа Петра Великаго и Екатерины II, наконецъ,
новыя государственные преобразованія 60-хъ — 70-хъ г.г.,
XIX ст.—таковъ краткій и самый общій перечень учрежденій,
изъ которыхъ каждое въ изучаемомъ періодѣ находилось
въ состояніи почти непрерывнаго переустройства. И тѣмъ
не менѣе, несмотря на всѣ эти «преобразованія», правовой
строй въ имперіи не только не утверждался, но наобо-
ротъ—Россія, по отзывамъ вдумчивыхъ наблюдателей эпо-
хи, все ближе уподоблялась «тѣмъ варварскимъ временамъ,
въ которыхъ не только установленнаго правительства, ниже
письменныхъ законовъ еще не было». Но иначе и быть
не могло. Въ абсолютной монархіи, гдѣ въ лицѣ безот-
вѣтственнаго монарха, стоящаго вѣнѣ закона и выше
закона, смѣшаны всѣ власти (законодательная, пра-
вительственная и судная), и гдѣ воля монарха всегда
является безусловнымъ велѣніемъ — очевидно не мо-
жетъ быть ни точнаго понятія закона, ни закономѣрнаго
правительства, «ибо, гдѣ законъ самъ не стоитъ на твердомъ
основаніи, тамъ и отвѣтать передъ нимъ нельзя» (Сперан-
скій). Злоключительное положеніе» абсолютизма усугуб-
бляется всегда тѣмъ болѣе, что неограниченный монархъ
естественно стремится управлять не черезъ учрежденія,
которыя его связываютъ, а черезъ довѣренныхъ лицъ, без-

условно ему подчиненныхъ. Именно съ этой точки зрења и должна быть рассматриваема исторія нашихъ государственныхъ учрежденій періода господства полицейского государства. Только при такихъ условіяхъ становится понятенъ и самый кризисъ русскаго абсолютизма, особенно ярко проявившійся въ XIX ст., но начавшійся еще въ эпоху Екатерининскаго царствованія.

Дворянско-бюрократическая имперія уже со второй половины XVIII в. обнаружила свое внутреннее банкротство, грозившее ей экономическимъ разореніемъ и серьезными социальными потрясеніями. Съ одной стороны, крѣпостное право и хозяйство, разлагавшееся, такъ-сказать, на самомъ корню и ставившее непреодолимыя препятствія на пути свободнаго развитія народныхъ и производительныхъ силъ страны, съ другой—господство «припадочныхъ людей», временщиковъ, расшатавшее въ конецъ государственное управление и создавшее вмѣсто него анархическую систему, при которой «всегда дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ» (гр. Панинъ)—таковы были тѣ причины, которыя настойчиво, уже въ концѣ XVIII в., выдвигали на очередь вопросъ «общаго государственного преобразованія». Уже въ «Екатерининъ вѣкъ златой» изъ рядовъ городской разночинной интеллигенціи раздался первый призывъ къ «свободѣ» и рѣзкій протестъ противъ «деспотизма» (Радищевъ). Съ начала XIX ст. вопросъ объ «эмансипаціи» и «конституціи» уже не сходитъ со сцены ни въ правительственныхъ сферахъ, ни въ общественныхъ кругахъ. Исторія нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій прошлаго вѣка является лучшимъ тому свидѣтельствомъ. Она представляетъ намъ зрѣлище полуразрушенного и недостроеннаго государственного зданія, груду обломковъ, хранящихъ живое и печальное воспоминаніе о погибшихъ и внезапно порвавшихся реформахъ, съ которыми тѣсно связано имя М. Сперанскаго «дней Александровыхъ прекраснаго начала». Изнемогая подъ «тяжкимъ бременемъ» своей собственной власти, имперское правительство даннаго періода, ревниво охраняя прерогативы абсолютной монархіи, въ то-

же время постановило передъ собой неразрѣшимую задачу— «утвердить блаженство имперіи на незыблемомъ основаніи закона». Оно пыталось, такимъ образомъ, сочетать принципы неограниченного самодержавія съ началами «законности», правового строя. Понятно, что всякий разъ, когда государственная власть пытается примирить столь непримиримыя начала, она или терпѣла жестокое пораженіе въ своихъ «прѣобразовательныхъ» попыткахъ, разрушая одной рукой то, что она созидала другой, или упиралась въ вопросъ о ликвидациіи мамаго абсолютнаго и сословно-крѣпостническаго строя. Съ конца XVIII ст. и въ теченіе всего XIX ст. эти роковые вопросы русской исторической жизни поэтому болѣе уже не сходять съ очереди. Въ сознаніе общества и правительства все настойчивѣе начинаетъ проникать мысль о неизбѣжности и тѣсной взаимной связи реформы соціальной и политической. Отмѣна крѣпостного права и конституція, эти двѣ реформы, дѣйствительно, были связаны между собой такъ же неразрывно, какъ самодержаніе, дворянскія привилегіи и крѣпостное право. Означенная внутренняя связь и опредѣлила ближайшую судьбу реформы государственной. «Можно ли говорить о гражданской свободѣ,—спрашивалъ Сперанскій,—гдѣ половина населенія находится въ совершенномъ рабствѣ, гдѣ сіе рабство связано со всѣми почти частями политического устройства?» «Государь!—воскликнулъ наканунѣ реформы колѣнопреклонный предсѣдатель Государственнаго Совѣта Гагаринъ,—эмансипація—вѣдь это конституція!»... Понятно, что при такихъ условіяхъ вопросъ о коренной государственной реформѣ долженъ быть сначала разбиться о преюдиціальный вопросъ русской «конституціи»—вопросъ о крѣпостномъ правѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ того момента, какъ государственная власть попала въ плѣнъ дворянской реакціи, вопросъ о реформѣ неизбѣжно сталъ на новый, «революціонный» путь. Этотъ поворотъ въ направленіи и настроеніи русской политической мысли совершился въ первой четверти 19 ст. и запечатлѣлся въ идеологіи «декабризма» и конституціонныхъ проектахъ декабристовъ. Рес-

публианизмъ Пестеля и возстаніе 14-го декабря были первой открытой манифестаціей революціонного коституціонализма. «Осадное положеніе» николаевской эпохи, какъ охарактеризовалъ ее маркизъ де-Кюстинъ, лишь ненадолго отсрочило «катастрофу», загнавъ одновременно въ «подполье» и общественную оппозицію (тайныя общества), и правительство (секретные комитеты). Съ этого момента, и та, и другая сторона законспирировались, одна въ революціонномъ, другая въ бюрократическомъ «подпольѣ»; въ результате—освободительная реформа и катастрофа 1-го марта. Новый приливъ дворянско-бюрократической реакціи вновь временно задержалъ послѣднюю связку «увѣнчанія зданія». Контръ-реформы второй половины 19 ст. только временно задержали то «освободительное движеніе», которое запечатлѣло собой вторичный исторический поворотъ въ жизни русского государства, его переходъ къ новымъ формамъ — государства правового, народнопредставительного. (17 окт. 1905 г.). Реформа 19 февр. и 17 отк., по существу, это только два момента одного и того же исторического процесса (ликвидациіи государства «старого режима») послѣдовавшаго и въ Россіи при аналогичныхъ условіяхъ, какъ и на западѣ. Для историка это совершенно очевидно.

При современномъ состояніи специальной литературы намѣченный кругъ вопросовъ, хотя и не безъ пробѣловъ, можетъ быть освѣщенъ слѣдующимъ рядомъ пособій. Въ качествѣ общаго введенія можно указать прежде всего на статью Б. И. Сыромятникова «Абсолютная монархія 18 ст. въ Россіи» (Книга для чтенія по новой исторіи, т. 2), да лѣе желательно обратиться къ слѣдующимъ работамъ: пр.-доц. Н. И. Лазаревскаго, «Лекціи по русскому государственному праву», т. 1, отд. 1, гл. 1 и 2 (СПБ., 1908 г., 509 стр.), Н. П. Сильванскаго op cit., § 43—44. Пр.-доц. М. А. Рейснера «Государство и вѣрующая личность» (1905 г.), ст. 8 и его же «Духовная полиція въ Россіи» (СПБ., 1909 г., «Свободное знаніе», 107 стр.), А. Д. Гравовскаго «Высшая администрація Россіи 18 в.» (Собраніе сочиненій, т. 1, СПБ., 1899 г.), П. Милюкова «Очерки

по исторії русской культуры», ч. 3, вып. 2. «Исторія Россіи въ 19 в.», вып. 1—3, 17—18 (Изд. Граната, 1907—1909 гг.). Далѣе можно перейти непосредственно къ характеристикѣ верховной власти имперіи по книгамъ: проф. В. Н. Латкина «Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи», ч. 2, гл. 3 и 4, § 2, проф. И. И. Дитятина, «верховная власть въ Россіи 18 ст.» (Статьи по исторіи рус. права). М. Богословскаго «Областная реформа Петра Великаго» (М., 1902 г.), гл. 1. Проф. Ф. В. Тарановскаго «Політическая доктрина въ наказѣ императрицы Екатерины II» (Сборникъ статей по исторіи русскаго права, посвящ. Влади-мірскому-Буданову Кіевъ, 1904 г.). По исторіи учрежденій и государственного управления можно рекомендовать слѣдую-щія пособія: П. Милюковъ «Государственное хозяйство Россіи въ перв. четв. 18 в. и реформа Петра В. (изд. 2-е), «Исторія Правительствующаго Сената за 200 лѣтъ, т. 1—4 (1911 г.), В. Щеглова «Государственный Совѣтъ въ царствованіе императора Александра I» (1895 г.), его же «Государственный Совѣтъ въ Россіи въ первый вѣкъ его образованія» (1903 г.), Кн. Б. Вяземскій «Верховный тайный совѣтъ» (1909 г.), С. Середонинъ «Исторический обзоръ дѣятельности комитета министровъ» (1902 г.), т. 1, 2 и 3. Б. И. Сыромятниковъ «Происхожденіе министер-скаго начала въ Россіи» («Научное Слово», 1903 г. 2), Дов-нарь-Запольскій «Зарожденіе министерствъ въ Россіи» (1906 г.), М. Богословскій «Областная реформа Петра В.» (1902 г.), А. А. Кизеветтеръ «Посадская община въ Россіи 18 в.» (1903 г.), И. Дитятинъ «Устройство и управление городовъ въ Россіи», т. 1 и 2 (1875 и 1877 г.), А. А. Ки-зеветтеръ «Мѣстное самоуправление въ Россіи», гл. 7—9 А. Лохвицкій «Губернія», ч. 1 (1865). Для ознакомленія съ конституціонными и иными соціально-политическими дви-женіями и идеями эпохи можно рекомендовать: В. Е. Якуш-кина «Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи» (изд. Львовича, СПБ., 1906 г., 160 стр.), В. Вальденбергъ «Государственные идеи Крижанича»

(1912 г.), Павломъ-Сильванскій «Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В.» (1897 г.), его же «Очерки по русской исторіи 18 в. (1910 г.), Загоскинъ «Верховники и шляхетство», П. Н. Милюкова «Верховники и шляхетство. (Изъ исторіи русской интеллигенціи изд. «Знаніе», СПБ., 1903 г.), М. М. Богословскаго «Конституционное движение 1730 г.» (Библ. «Свободная Россія», 1906 г., 40 стр.). Проф. Н. Н. Фирсова «Пугачевщина» (изд. Вальфа «Свободное Знаніе», 185 стр.). А. А. Кизеветтера «Русская утопія 18 ст.» (Сборникъ «Помощь» СПБ., 1903 г.), Б. И. Сыромятниковъ «Политическая доктрина въ «Наказѣ» Пестеля (Сборникъ статей въ честь В. О. Ключевскаго, 1909 г.), В. И. Семевскаго «Первый политическій трактатъ М. Сперанскаго» («Русское Богатство», 1907 г., № 1, (Давнаръ-Запольскій «Политические идеалы М. Сперанскаго» (1905 г.), А. Н. Пыпина «Общественное движение въ Россіи при Александрѣ I» (СПБ., 1908 г., 4-е изд. Стасюлевича, 588 стр.), Ф. М. Дмитріева «Сперанскій» (Соч., т. 2, М. 1906 г.), В. И. Семевскаго «Вопросъ о преобразованіи государственного строя Россіи въ 18 в. и перв. четв. 19 в.» (журн. «Былое» 1906 г. № 1—3), его же «Политическія и общественные идеи декабристовъ» (1909 г.), Н. Н. Йорданскаго «Конституционное движение 60-хъ годовъ» (СПБ., 1906 г., стр. 155), А. А. Корнилова «Общественное движение при Александрѣ II» (1855—1880 г.). А. Туна «Исторія революціонныхъ движений въ Россіи» (М. 1905 г., 221 стр.). М. Лемке «Очерки освободит. движенія 60гг.» (1908 г., 510 стр.). Драгоманова (Земскій либерализмъ въ Россіи» (Собр. полит. сочин., т. 2, ст. 787—833 Парижъ. 1906 г.). Богучарскій «Изъ исторіи политической борьбы въ 70-80 г. г. 19 в.» (1912 г.). Ср. также Н. Кирѣевъ «Происхожденіе современаго народно-правового государства», (СПБ., 1908 г., 496 стр.). Для знакомства съ важнѣйшими памятниками периода можно обратится къ слѣдующимъ изданіямъ: «Памятники законодательства Петра В.» подъ ред. М. Богословскаго (изд. Клочкива, 1910 г.) Основные законодательные акты, касающіеся высшихъ государственныхъ учрежденій въ Россіи 18 и перв. четв. 19 ст., подъ ред. А. А.

Кизеветтера (Памятники русской истории, изд. Клочкива, М. 1909 г., 97 стр.). Юрий Крижанич «Русское государство», т. 1 и 2 (1859 г.). Правда воли монаршой (Полн. собр. закон. т. 7). Иванъ Посошковъ «Книга о скучности и богатствѣ» (изд. Клочкива, 1911 г.). Наказъ Е. И. В. Екатерины Вторыя (СПБ., 1893 г. Изд. Пантелеева или Академіи Наукъ). С. Десницкій «Представленіе объ учрежденіи законод., судительн. и наказательн. власти» (Записки Академіи Наукъ т. 7, № 4, 1905 г.). Кн. М. М. Щербатова. Сочиненія, т. 1 и т. 2: Изд. Щербатова, СПБ., 1896 г., 1056 стр.), А. Н. Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (СПБ., 1905 г. подъ ред. Н. П. Сильванскаго). Гр. М. М. Сперанскаго «Планъ государственного преобразованія» (М., 1905 г., изд. «Рус. Мысли»), П. И. Пестеля «Русская Правда, наказъ временному ворховному правленію», подъ ред. П. Щеголева (СПБ., 1906 г. кн. «Культура»), «Государственная уставная грамота Россійской имперіи», Берлинъ, 1903 г., Берманскій «Конституціонные проекты царствованія Александра II» («Вѣстникъ Права», 1905 г., 9).

Въ намѣченныхъ предѣлахъ мы исчерпали задачу нашего обзора. Книга исторіи закрывается.

Л. РИКНЕРЪ
12 МАРТ. 1913
С.-Петербургъ

Цѣна 20 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ:
3-я Тверская-Ямская, д. № 56, кв. 26,
ПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА.